

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБМЕН ЛОЖЬЮ

В статье рассматриваются социальные формы обмена ложью, характерные для таких феноменов коммуникации, как вранье, лесть, вежливость, тактичность, деликатность, дипломатичность, комплиментарность. Показывается, что конвенциональная ложь, являясь феноменом общественного согласия, обеспечивает режим безопасной коммуникации и в этом отношении может быть представлена как позитивно очерченный феномен.

Ключевые слова: правда, ложь, вранье, лесть, вежливость, тактичность, деликатность, дипломатия, комплимент.

В романе Ф.М. Достоевского «Подросток» есть любопытный монолог на тему *задушевного вранья*, в котором Версиров дает совет главному герою: «Друг мой, дай всегда немного соврать человеку – это невинно. Даже много дай соврать. Во-первых, это покажет твою деликатность, а во-вторых, за это тебе тоже дадут соврать – две огромных выгоды – разом. *Que diable!* надобно любить своего ближнего» [1, с. 168].

Суть данного совета – готовность к особому режиму коммуникации, когда самозабвенная ложь рассказчика не только не встречает сопротивления, а напротив, поддерживается встречной ложью собеседника. Такую ситуацию мы называем *социальным обменом ложью*. В отличие от обмана в обычном смысле такой обмен осуществляется на основании взаимного партнерства. Для того чтобы обмен состоялся, партнеры по лжи заключают негласную конвенцию по принципу: «Врешь? – Вру! – Ври дальше!». В таком взаимном подыгрыше Достоевский усматривает не только деликатность, но и особую душевную щедрость, сердечность, не свойственную правдолюбу, таранящему рассказчика требованием правды. Такой правдолюб зачастую руководствуется мотивом, неясным для самого себя: он ищет не столько саму правду, сколько себя в правде – собственную *правоту*. О таком человеке Версиров говорит: «Это – уж другой тип непорядочного и даже, может быть, омерзительнее первого» (вруна). «Первый – весь восторг! «Да ты дай только соврать – посмотри, как хорошо выйдет». Второй – весь хандра и проза: «Не дам соврать, где, когда, в котором году?» – одним словом, человек без сердца» [1, с. 168].

Апелляция к сердечности – не единственный аргумент оправдания взаимного обмена ложью. В противном случае подыгрывание лгуну можно было бы свести к простому потаканию человеческой слабости: враль возвышает в глазах собеседника свою собственную значимость или значимость того, о чем он врет. Таковы обычное бахвальство и самообман. Наряду с враньем и болтовней бахвальство и самообман – разновидности *лжи в утешение*, с помощью которых лжец не просто лжет, а спасает себя или волнующий его предмет вранья. Для героев Достоевского таковым предметом является любовь к родине, патриотизм. Этот патриотизм, конечно, заземленный в чувстве неполноценности, но спасаемый в «романтической» лжи. Один из персона-

---

* © Разинов Ю.А., 2014

Разинов Юрий Анатольевич (razinov.u.a@gmail.com), кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

жей романа «Подросток» вдохновенно врет о том, как простой русский мужик за счет одной смекалки оставляет не у дел английских инженеров и итальянских мастеров. В таком виде лжи писатель усматривает нечто более важное, нежели алармистская, «непатриотичная», но *одинаково защемленная* правда о том, что «все у нас плохо». «Дать человеку соврать» и «даже много соврать» в этом смысле – значит пробудить в нем надежду и гаснущий огонек гордости за отечество. А, как говорится, красиво не соврать – истории не рассказать.

Вопрос о патриотизме при всей сложности его решения упирается в довольно простую дилемму, которую в силу одной лишь исторической традиции можно пояснить двумя условными утверждениями: «у нас все хуже аглицкого, и это правда!», «нет, у нас не хуже, хотя это и вранье!». Для Достоевского, как это можно судить по его дальнейшей полемике с русскими либералами, патриотический самообман, заключенный, например, в таких словах, как «чистый этакий русский человек, русский этакий тип, патриот, развитое русское сердце» [1, с. 168], является более важным, нежели неприкрытая и безжалостная правда о собственном ничтожестве. Интенцию правдоруба можно сформулировать в форме парафраза известного гимна: «Весь мир неправды мы разрушим, до основания, а затем!..» Не факт, что это приведет к торжеству правды, но очевидно, что вследствие разрушения на следующем шаге возникает другая проблема: сумеет ли человек, и правдоруб в частности, вынести образ реального? Кроме того, по словам Ницше, всякий искатель правды заканчивает сознанием того, что «он всегда лжет» [2, с. 742].

Задушевное вранье, как и *умная ложь во спасение*, относится к той модальности лжи, которая, возвышая человека над обстоятельствами жизни, в определенном смысле его «окрыляет», в то время как ужасающие откровения реального подавляют само желание жить. Безобидное подыгрывание во лжи, когда целью является возобновление позитивного действия, заслуживает снисхождения. К примеру, родительское «ах ты, лгунишка!» является не только ласковым разоблачением, указывающим на нарушение нормы, но и закамуфлированным поощрением изобретательности, приглашением «проявить фантазию» в следующий раз. Поскольку социальных форм обмена ложью достаточно много и каждая из них обладает различной степенью легитимации, то сводить все многообразие лжи к одному лишь негативно маркированному феномену – все равно что рассматривать букет роз с облетевшими лепестками. Разбирая этот букет и не боясь уколоться о шипы, следует по крайней мере рассмотреть его состав.

а) *Тактичность*. Возьмем житейскую тактичность. Так же как и военная тактика, она предполагает ту или иную степень сокрытия правдивой информации, а следовательно, обмана. Тактичность заключается в том, чтобы, сознательно закрывая глаза на одно, удерживать в поле зрения другое. Это своеобразная игра в прятки, в которой игроки должны получить взаимные предпочтения. Формой проявления тактичности является *комплиментарность*. Известно, что комплименты и похвалы бывают лживы, но даже в этом качестве им бывают рады. Только ветреные люди да маленькие дети любую похвалу воспринимают за чистую монету. При этом отсутствие комплиментов, например, в отношении внешности женщин зачастую воспринимается ими как молчаливый саботаж их привлекательности. Наиболее решительные из них говорят прямо по Достоевскому: *соври хотя бы немного и даже много соври!* Коммуникабельные люди делают это легко и без принуждения, усматривая в этом всего лишь тактическую вежливость. Так называемый «вежливый отказ» – есть тактика, использующая ложь при приеме на работу или в ситуации нежеланного знакомства. Формулы типа: «вы квалифицированный работник, но у нас нет вакансии» или «вы мне нравитесь, но я сегодня занят (а)» – набрасывают вуаль сокрытия на обстоятельства

отказа, делая его менее очевидным, а следовательно, болезненным. Кроме того, они создают иллюзию того, что отказ не является окончательным и бесповоротным.

б) *Лесть*. То же самое следует сказать о лести, с тем, правда, отличием, что лесть в сравнении с комплиментом всегда носит тактический характер и никогда не бывает искренней. В отличие от комплиментарности, фальшь которой сокрыта и неverifiedируется, лесть является гораздо более явной и оттого грубой формой обмена ложью. Как операция сокрытия лесть по-своему более откровенна и даже явно откровенна, чем комплимент. Лестец не скрывает своей лъстивости, а наоборот, делает ее *показной*. Он четко указывает на диспозицию сторон в том смысле, чтобы у того, кому льстят, не возникало и тени сомнения. Лесть необходима не только лестцу как «слабому», но и тщеславному как «сильному мира сего», причем не столько для «поглаживания» его *эго* (как в случае похвалы и комплимента), сколько для подтверждения начальственного статуса. По этой причине подчиненный, не льстящий своему начальнику, нередко воспринимается последним как тайный претендент на его символическое место. Между тем и лесть постоянно призывается к тому, чтобы быть утонченной и нечрезмерной формой потакания другому. Лесть в особых случаях должна способствовать самообману, а не просто быть прямым подтверждением социального статуса.

в) *Вежливость* стоит отличать от житейской тактичности так же, как высокий модус — от низкого. Комплиментарность есть форма проявления вежливости на словах. Не всякая вежливость лжива, но утонченная ложь почти всегда вежлива, причем подчеркнуто вежлива. Сокрытие здесь осуществляется с помощью изысканного выражения. Вежливое обращение имеет целью скрыть очевидные недостатки партнеров и тем самым предупредить возможные шероховатости в общении. В этом смысле вежливость — это тоже тактическая ложь. Как пишет С.Б. Шалютин, «ложь по своему механизму есть в известном смысле *уважительная* форма воздействия, форма, которая уважает в адресате субъекта, то есть, если речь идет о людях, — личность» [3, с. 86]. Такая ложь сопутствует отношению к гостю. Когда хлебосольный хозяин предлагает и без того уже засидевшимся гостям «еще чего-нибудь поесть», он, в отличие от своих детей (способных спросить «почему они так много едят?»), лжет, хотя делает это из одной только вежливости. Оказывая знаки гостеприимства, выслушивая собеседника, здороваясь или «отвешивая» комплимент, мы редко отдаем себе отчет в том, что незаметно для самих себя вовлекаемся в социальный обмен ложью. Мы вовлекаем в этот процесс и своих детей, когда внушаем им элементарное правило вежливости, состоящее в том, что «не все, что на уме, должно быть на языке».

г) *Дипломатичность*. В дипломатии как в сфере профессиональной деятельности негласный обмен ложью является институциональным правилом. Дипломатия есть форма взаимодействия суверенных субъектов, сохраняющих по отношению друг к другу необходимую дистанцию. Всякий суверенитет предполагает наличие внутреннего плана деятельности, интересов, целей, оценок, возможностей и т. д., скрытых от внешнего наблюдателя. Дипломатия практически полностью исключает из официального протокола отношения взаимной транспарентности и весьма чувствительно, если не сказать, болезненно переносит прямое откровение правды. Поэтому взаимная ложь партнеров является основной «валютой» дипломатического общения. Напротив, правда как открытая манифестация интересов может быть воспринята как посягательство на суверенитет. По этой причине голая правда в международных отношениях по неписаному дипломатическому правилу означает начало войны, то есть разрыв коммуникации «нормальными средствами». Как эмансипированная от профессии дипломатов особая коммуникативная «добродетель» дипломатичность есть форма повседневного поведения. Прежде всего она выражается в норме *умолчания*.

д) *Деликатность*. Столь же недопустимым считается прямое выражение интересов в разного рода «деликатных» ситуациях, например «непристойного предложения», под которым обычно имеется в виду предложение сексуального свойства. Здесь особую роль играет форма предложения. В комедии «О чем говорят мужчины» обыгрываются различные формы такого предложения: от «благопристойного» « послушать лютневую музыку XVI века» до неприличного «заняться любовью», встречающего «законный» отказ. Мораль очевидна: сексуальная конвенция связана с *игрой взаимных сокрытий*, она предполагает околичное, замаскированное, но никак не прямое сообщение «в лоб». А между тем именно по такой формуле она происходит в примитивных сообществах, где предложение «заняться любовью» вызывает иной тип реакции. На прямое сексуальное сообщение женщина не фыркает с презрением, а смеется архаическим смехом, ибо этот смех (как и само предложение) не является означаемым нормативного запрета. Оно может означать что угодно — признание молодости, здоровья, привлекательности. Такой смех может быть связан как с отказом, так и с согласием, но он исключает обиду, а тем более презрение, поскольку предложение сексуального характера не считается непристойным, а значит, не предполагает никакого микширования каналом лжи.

Напротив, такое микширование является неписаной нормой цивилизованных сообществ. «Рубить правду с плеча», рубить «правду матку» здесь считается непристойным. Поэтому, когда И. Кант на полном серьезе утверждает, что брак — это договор «двух лиц разного пола ради пожизненного обладания половыми свойствами друг друга» [4, с. 192], он производит, с нашей точки зрения, довольно нелепую дефиницию. Такое определение брака нарушает неписаное правило многих социальных конвенций: *не превращать в очевидное то, что в этом не нуждается*. Оно нелепо не потому, что упрощенно трактует *предмет* брачного договора (с предметом, в конце концов, стороны могли бы и согласиться, что обычно происходит в случае брачного контракта). Нелепость заключается в другом: в том, что по такой формуле брачный договор просто не мог бы состояться. А если бы и состоялся, то в качестве фарса, да и то на словах или на бумаге. На деле же, если смотреть глубже, все иначе: поскольку брак изначально предполагает готовность сторон разделить то, что называется неопределенностью судьбы, основание брачной конвенции не может быть ясно артикулировано в принципе. Брачный договор — это конвенция с неопределенными условиями, согласие, построенное на игре мнимостей, иллюзий, речевых и визуальных обманок, всевозможных способов затмения и маскировки тех неясных мотивов, сумму которых Кант сводит до уровня контракта.

Такие формы конвенциональной лжи, которые сопутствуют феноменам лести, вежливости, тактичности, деликатности, дипломатичности и комплиментарности, не достигают высокого градуса «горения», а потому обычно остаются незамеченными в рамках «нормальной» коммуникации. Они не дотягивают до статуса этизированной «лжи во спасение». Тем ни менее и они играют определенную роль в организации повседневных взаимодействий, в силу чего особым образом и негласно легитимируются. Сглаживая мелкие противоречия и скрадывая второстепенные недостатки, они играют роль превентивных мер по обеспечению режима безопасной коммуникации. Такие формы сокрытия способствуют охлаждению горячечной правды и тех ее адептов, которые несут в себе изначальную конфликтность и готовы на пустом месте разжечь коммуникативный пожар. О значимости превентивных мер, нацеленных на ограничение и дозирование правды, говорит народная мудрость: «Правдою жить — от людей отбыть»; «Хороша правда, да в люди не годится»; «Правда тошенее перечесу»; «Прямикое слово — что рогатина»; «С нагойной правдой в люди не кажись»; «Говорить правду — терять дружбу».

Иными словами, культура содержит целый ряд требований, связанных с необходимостью микшировать социальные отношения каналом лжи. Разумеется, что этот канал не должен заглушать или перебивать магистральную линию – линию правды. Но при этом важно понимать, что сама правдивость лучше всего коррелирует с отсутствием притязаний на собственную правоту. Такая непритязательность готова использовать фальсификацию как инструмент сокрытия. Например, выслушивая долгую и нудную речь друг друга, слушатели фальсифицируют заинтересованность, а между тем через такую фальсификацию осуществляется нечто более важное, что имеет в виду Версолов в своем монологе, – спасение общения и разговора. В отношении указанных выше форм лжи культура имеет в виду совсем другие ограничения. Раздавая похвалы, человек может сколько угодно врать, но при этом имеет целью «приподнятость настроения». Compliments могут быть совершенно фальшивы, но они не должны быть «слишком дешевы». Правду следует говорить, но не «рубить с плеча». Таким образом, социальная коммуникация, осуществляемая в режиме протокольной лжи, представляет собой подчас весьма сложную и запутанную игру взаимных сокрытий. Она строится на предположении о том, что все участники этой игры достаточно осведомлены. В этом отношении «коммуникация двух разумных существ человеческого типа по сути своей есть обмен обманом» [5, с. 33].

Библиографический список

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 13. Л.: Наука, 1975.
2. Ницше Ф. Злая мудрость // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.
3. Шалютин Б.С. Человек и ложь // Человек и его духовные ценности. Курган: Курганский гос. пед. ин-т, 1995. С. 84–110.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности: соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965.
5. Секацкий А.К. Онтология лжи. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000.

References

1. Dostoevsky F.M. Complete works: in 30 Vol, Vol. 13, L.: Nauka, 1975. [in Russ.]
2. Nietzsche F. Evil wisdom // Nietzsche F. Works: in 2 Vol. Vol. 1. M.: Mysl', 1990.
3. Shalyutin B.S. Human being and lie, *Chelovek i ego dukhovnye tsennosti [Human being and his spiritual values]*. Kurgan: Kurganskii gos. ped. in-t, 1995, P. 84–110.
4. Kant I. Groundwork of the Metaphysic of Morals: Works in 6 Vol. V. 4. Part 2. M.: Mysl', 1965.
5. Sekatskii A.K. Ontology of lie. SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 2000. (in Russ.)

Yu.A. Razinov*

SOCIAL EXCHANGE OF LIE

In the article social forms of exchange of lie that are typical for such phenomena of communication as taradiddle, flattery, courtesy, tact, delicacy, diplomacy, and complementarity are viewed. It is shown that conventional lie being a phenomenon of public consent, provides secure communication mode and in this respect can be represented as a positive outlined phenomenon.

Key words: truth, lies, taradiddle, flattery, courtesy, tact, delicacy, diplomacy, compliment.

---

* *Razinov Yuriy Anatol'evich* (razinov.u.a@gmail.com), the Dept. of Philosophy of Humanitarian Faculties, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.